

* * *

Как ни упражняй свое стило,
достаётся, видимо, по благу:
более талантливому – зло,
менее талантливому – благо.

Тот – бездельник, этот – ценит труд,
каждый занимает свою нишу:
более талантливые – пьют,
менее талантливые – едят.

Отстраняясь от мелочных забот,
льют, решая вечные вопросы:
более талантливые – пот,
менее талантливые – слёзы.

Выпадет и нам когда-нибудь
видеть за пределом слов и формул:
более талантливому – суть,
менее талантливому – форму.

Вот и пробил час открыть глаза
на удел души и участь плоти.
Более талантливые – за.
Менее талантливые – против.

* * *

Неловкий взмах руки привёл
тебя, похоже, к катастрофе:
летит с подноса чашка с кофе
и с шумом падает под стол.

Случайный жест, напополам
рассёкший неумело воздух!
И вслед за грохотом – твой возглас
с упрёком к собственным рукам.

Но, умоляю, не спеши
так обвинять себя в промашке,
ведь кофе, пролитый из чашки,
не очернит пятном души.

Проступок твой – один из тех,
за что прощённым был бы каждый!
О, если б в мире этом так же
прощался нам и больший грех...

* * *

Когда б мне снова было двадцать лет,
я, как философ или как поэт,
создал трактат или сочинил сонет
и стал бы популярнее пророка.
Ко мне б не заросла тогда тропа
народная, поклонников толпа
ходила бы за мной, глуха, слепа
ко всем моим причудам и порокам.

Когда б мне снова было двадцать лет,
я, соблюдая такт и этикет,
с любым из сильных мира тет-а-тет
общался бы как минимум на равных.
Среди миров в мерцании светил
я б самую большой звездой был,
и мне бы завсегда поклоны бил
какой-нибудь любитель истуканов.

Когда б мне снова было двадцать лет,
я полюбил бы живопись, балет,
ходил бы только на зелёный свет
и никогда – на жёлтый и на красный.
Я стал бы чистоплотным: по утрам,
устраивая в ванной тарарам,
свои б я драил зубы, тут и там
вымазываясь весь зубною пастой.

Когда б мне снова было двадцать лет,
забросил бы я чтение газет
и не курил дешёвых сигарет
и дорогих я тоже не курил бы.
Я б занимался вышивкой, резьбой
по дереву, футболом и борьбой
и, обретя гармонию с собой,
от Бога удостоился бы нимба.

Когда б мне снова было двадцать лет...
Но времени обратно хода нет,
историю не перепишешь, след,
оставленный в ней, стёртым быть не может.
Пожалуй, лишь в реальности иной
подобное могло бы быть со мной,
но в нашей, преходящей и земной,
мне это вряд ли выпадет...

Вам – тоже.

* * *

Я – недалёк. Как говорится,
умом с рожденья вышел слаб.
Бездарность. Бестолочь. Тупица.
Внук обезьяны. Сын осла.

Я сам, досадуя и маясь,
казаться всем спешу умней.
В моём мозгу – одна прямая.
Не знаю, что мне делать с ней.

Иной ночей не спит – гипотез
на две хватило б головы,
а у меня – усох гипофиз.
И череп суженный, увы.

В себе я пестую пустотность,
которой ширится объём,
как будто роет яму кто-то
в бездонном черепе моём.

Там мгла раскинута над бездной
и бездна мглою налита,
как погребённая под пеплом
неопалимого куста...

* * *

«Снег идёт в середине марта!» –
я шепчу про себя, как мантру.
Что-то странное, Боже мой,
снег идёт – как к себе домой!

Снег идёт, будто тот татарин,
будто в космос, спеша, Гагарин.
Никому он не нужен здесь.
Но он всё-таки сыпет. Весь.

Снег идёт – не в обход, не мимо,
удлиняя, похоже, зиму.
Снег идёт, создавая вид,
что он белой стеной стоит.

Снег идёт – вопреки сезону,
как во чрево кита Иона.
Это – падает небосвод:
снег идёт, как не шёл весь год.

Снег идёт – не к добру, не к худу.
Снег идёт – всею массой, грудой,
не спросив и сводя с ума
тех, кому не мила зима.

